

**КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В ТРУДАХ Н.А. ШНЕЕРСОНА И Е.С. РАДЧЕНКО**

DOI 10.34685/NI.2026.22.58.003

Чувилькина Юлия Викторовна,
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва (Москва)
Email: chuvilkina.julia@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена концепции советского краеведческого музея, предложенной сотрудниками Ново-Иерусалимского музея Н. А. Шнеерсоном и Е. С. Радченко на Первом Всероссийском музейном съезде в 1930 г. Их идеи рассматриваются во взаимосвязи и в контексте истории формирования современных методов экспозиционного показа. Подобный ракурс до настоящего момента оставался вне поля зрения музейных исследователей, несмотря на обширное количество опубликованных материалов по экспозициям краеведческих музеев.*

Ключевые слова: *Шнеерсон, Радченко, краеведение, музейное дело, экспозиция, музейный съезд, Ново-Иерусалимский музей, Истра, Воскресенск.*

Актуальность данного исследования определяется особой ролью современных краеведческих музеев в жизни общества. Помимо сохранения исторических ценностей и документирования событий, краеведческие музеи выявляют связи между природными, социальными и экономическими процессами, создают новые возможности для взаимодействия с посетителем. Концепция Радченко и Шнеерсона заложила базовые принципы организации краеведческих музеев, которые во многом используются в настоящий момент. Понимание истоков данных идей позволит более осмысленно подходить к созданию современных краеведческих экспозиций.

Исследованию данной темы посвящены некоторые труды музейных специалистов. Статья О. Е. Черкаевой [1] содержит справочную информацию о Н. А. Шнеерсоне. Биографические воспоминания о жизни музейных деятелей можно найти в статье А. Орловой [2]. Исследователи И. И. Степанов и А. А. Зажеко [3] рассказывают об истории возникновения Историко-художественного музея в Истре и вкладе Н. А. Шнеерсона в сохранение наследия Ново-Иерусалимского монастыря. В работе М. М. Шахнович [4] отражены взгляды Н. А. Шнеерсона относительно важности сохранения в советских музеях церковного искусства. Наконец, в статье Н. М. Дмитриенко и Л. А. Лозовой [5] рассматриваются предложения Шнеерсона по использованию в краеведческих музеях нового типа ландшафтной экспозиции, позволяющего раскрыть «природные явления» во взаимодействии с человеком, а также обсуждается его мнение о вреде «кунсткамерности» для развития краеведческих музеев. Центральными для нашего исследования являются идеи Е. С. Радченко, частично изложенные в статьях в двух сериях сборников «Очерки истории музейного дела в СССР» [6; 7]. Однако следует отметить, что до настоящего времени методические рекомендации Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко по устройству советского краеведческого музея («Принципы построения краеведческого музея», 1930 г.) [8], «Зачем нужны краеведческие музеи РСФСР?», 1930 г.) [9] и «Антирелигиозная пропаганда в краеведческих музеях», 1930 г.) [10]) не были системно изучены музейными исследователями.

Целью данной статьи является изучение методических рекомендаций Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко по созданию экспозиции краеведческого музея во взаимосвязи с историей формирования современных общепринятых методов экспозиционного показа.

В ходе работы автор планирует:

- определить исторический контекст возникновения концепции Е. С. Радченко и Н. А. Шнеерсона и место, которое она занимает в современной экспозиционной мысли;
- изучить биографию и музейную деятельность Н. А. Шнеерсона, выявить их влияние на создание концепции;
- раскрыть в тексте статьи идеи Е. С. Радченко и Н. А. Шнеерсона путем разделения материалов на несколько проблемных блоков.

Подобный подход позволит получить наиболее объемное представление о заданной теме.

Итак, обратившись к первому тематическому блоку исследования, посвящённому историческому контексту возникновения концепции Е. С. Радченко и Н. А. Шнеерсона и ее месту в современной экспозиционной мысли, необходимо отметить, что брошюры, написанные Е. С. Радченко и Н. А. Шнеерсоном в 1930 г., содержали новаторские для своего времени идеи, касающиеся методики работы с предметами и посетителем. Для того чтобы подробнее раскрыть эту тему, рассмотрим проблему в ее историческом разрезе.

Опираясь на концепцию Т. П. Полякова, одного из ведущих российских специалистов по музейной экспозиции, можно проследить эволюцию развития экспозиционной деятельности в дореволюционной и раннесоветской России. До 1917 г. музей воспринимался в основном как просветительское учреждение и «храм науки», а в основе его показа лежал коллекционный метод: экспонаты систематизировали по хронологии или типам, не выстраивая смысловых связей между ними. В это же время отсутствовало само понятие музейной экспозиции. Для коллекции предметов, которая представлена публично, наиболее часто применялся термин «музей», а для ее временной демонстрации – термин «выставка», вошедший в музейный словарь в контексте активной промышленной выставочной деятельности XIX в.

После революции 1917 г. ситуация начала стремительно меняться. Н. И. Романов в труде «Местные музеи и как их устраивать» (1919) предложил два метода музейного проектирования: аналитический (коллекционный) – с систематизацией по научным критериям, и синтетический (ансамблевый) – нацеленный на воссоздание среды бытования предмета [11]. Т. П. Поляков отмечает, что термин «экспозиция» впервые прозвучал в 1919 г. на Всероссийской конференции по делам музеев [12]; в докладе П. П. Муратова экспозиция – это «работа, стоящая на грани учёного и художника» [13], представляющая собой концептуальную композицию.

Ансамблевый метод экспонирования в данный период получает свое развитие: Н. С. Ашукин в 1918 г. выступал за отказ от «сухой систематизации» в пользу «метода живой группировки» предметов [14]. В 1920–е гг. появился также тематический метод: предметы стали интерпретировать через призму идеологии, распространились «пролетарские музеи». Постепенно музейный предмет в экспозиции стал восприниматься не только как артефакт, но и как носитель определенной идеи. Развернулись дискуссии вокруг дальнейшего использования ансамблевого метода: М. Д. Приселков видел в нём способ восстановления картины старого быта [15], а Ф. И. Шмит указывал на риск субъективной трактовки экспозиции зрителем [16].

В краеведческих музеях в первые годы после Революции преобладал коллекционный метод проектирования экспозиций: массовое поступление предметов требовало быстрой систематизации и изучения. В результате музей получал несколько классических разделов, таких как: естественно-исторический, культурно-исторический, общественно-экономический и т.д. Однако эти подходы уже не могли в полной мере отвечать требованиям времени. Необходимо было показывать историко-революционную тематику, классовую борьбу и демонстрировать связь прошлого, настоящего и будущего в марксистском понимании.

Как отмечает Т. П. Поляков, в данный период наметился новый кризис: музеи, обладая значительными коллекциями, не могли наглядно продемонстрировать посетителю основные законы биологии, эволюции человеческой культуры и техники ввиду отсутствия необходимой для этого методологии [17]. В 1920–е гг. Н. М. Дружинин предложил иллюстративно-тематический метод для наглядного показа

«революционного процесса» с помощью чертежей, схем, копий и иллюстраций современных художников [18]. Еще один новый метод, музейно-образный, позволял побуждать зрителя к самостоятельному осмыслению экспозиции. Его развитие связано в первую очередь с понятием «музейного языка», употребленного впервые в докладе И. К. Луппола на I Всероссийском музейном съезде (1930 г.). Продолжает эту мысль концепция Ю. К. Милонова, у которого объект экспозиции – не вещь, а «музейное предложение» (мысль, выраженная комплексом предметов) [19].

Интересным можно назвать зарождение в 1930–х гг. тенденции к объединению природы, истории и культуры в музейной экспозиции. Например, директор Биологического музея Б. М. Завадовский предлагал преодолевать «метафизические недостатки» ландшафтного метода, обозначая связь природы с историей развития человеческого общества [20]. Это воплотилось в выставке Музея истории религии в 1930 г., когда в экспозиции впервые использовались природные экспонаты для раскрытия языческих культов: растительные и зооморфные образы, магические рисунки на орудиях, зооморфные скульптуры, антропоморфные фигуры, части звериных туш с магическим значением, шаманские головные уборы с оленьими рогами и др. [21].

В этой связи концепция Н. А. Шнеерсона получает особое значение в контексте нашего исследования. Она предполагала отказ краеведческого музея от отдельных, изолированных друг от друга отделов. Предложенные методы были призваны подчеркнуть связь человека и природы путем использования в экспозиции «бытовых комплексов».

Необходимо отметить, что данная мысль, высказанная Шнеерсоном, получила свое дальнейшее развитие в появившемся позже понятии «культурного ландшафта», объединяющего памятники природы, истории и культуры. Таким образом, построение музейных экспозиций по методу Шнеерсона и Радченко стало важнейшим этапом на пути к формированию современных экспозиционных методов показа.

Появление концепции Е. С. Радченко и Н. А. Шнеерсона было тесным образом связано не только с идеологическими и теоретическими изменениями в современных подходах к созданию музейных экспозиций, но и с их личным опытом, накопленным в результате многолетней музейной работы. Для того чтобы более подробно раскрыть интересующую нас тему, перейдем ко второму тематическому блоку исследования, посвященному жизни и музейной деятельности Н. А. Шнеерсона.

Анатолий (Нафтолий Герц) Абрамович Шнеерсон (имя при рождении) [22] – человек со сложной и интересной биографией, которая окрашена не только научными и культурными, но и политическими событиями. Еще в юности проявляя интерес к делам социал-демократической партии Шнеерсон жил в Санкт-Петербурге, был членом РСДРП и состоял в переписке с В. И. Лениным. В последующие годы был арестован за распространение нелегальной газеты «Искра». Критикуя взгляды В. И. Ленина, он являлся одним из спонсоров меньшевистской партии. В революционные годы Анатолий Абрамович начал использовать документы своего покойного родственника, и до конца жизни называл себя Натаном Александровичем Шнеерсоном. В начале 1920 г. он приехал в подмосковный город Воскресенск (сейчас это г. Истра), желая обосноваться здесь со своей супругой и маленьким ребёнком. Получив работу в городском совете, часто по делам бывал в окрестностях Воскресенска. Наблюдая за плачевным состоянием местных усадеб, разворовыванием и приспособлением под хозяйственные нужды предметов искусства и старины, Шнеерсон загорелся идеей спасения и сохранения предметов путем создания местного музея. Ново-Иерусалимский музей был основан Н. А. Шнеерсоном в 1921 г. Полуразрушенное и пустующее после событий Гражданской войны здание Ново-Иерусалимского монастыря было отдано под создание музея [23].

Открытие первой экспозиции произошло в мае 1921 г. Она включала произведения древнерусского прикладного искусства (резьбу по камню, резьбу по дереву, керамику, шитье, литые и чеканку и т.д.). Отдельный зал был посвящен патриарху Никону. Экспозиция содержала его личные вещи, модели строений монастыря и грамоты. В этой же экспозиции был создан первый раздел «усадебного быта», где были показаны предметы мебели в усадебной обстановке. В дальнейшем раздел был значительно расширен благодаря поступлениям в музей.

Летом 1921 г. Шнеерсон выступил с инициативой создания краеведческого музея. Предложенная им структура предполагала: отдел Древнерусского искусства, отдел Истории монастыря и личности патриарха Никона, Бытовой отдел, Краевой музей с подотделами (естественноисторическим и культурно-историческим), Отдел революции, Научно-педагогический отдел и архивы города и монастыря. Уже в ноябре 1921 г. музей был создан. Основанный на статических материалах уездной сельскохозяйственной выставки, он открылся в здании Воскресенского (Ново-Иерусалимского) монастыря, по соседству с уже существующим музеем. Работу в обоих музеях на протяжении нескольких месяцев осуществлял один и тот же коллектив сотрудников. Однако конкуренция между направлениями возрастала: историко-художественные отделы поддерживалось специалистами из Москвы, в то время как местные власти стремились развивать краеведческую работу. В феврале 1922 г. музеи были объединены по указанию Главнауки. Новый коллектив включал заведующего музеем Н. А. Шнеерсона, заведующего художественно-историческим отделом П. П. Никольского и научных сотрудников Е. С. Радченко и А. Н. Пуртова. Музей собирался проводить исследования в области истории и современной жизни края, а также его природы.

В 1920–х гг. директор Воскресенского художественно-исторического музея Н. А. Шнеерсон развернул активную работу по обследованию усадеб и церквей западной части Московской губернии. Мандат, выданный Шнеерсону, давал ему право вывозить художественные коллекции, которым, без дальнейшего вмешательства, грозила гибель. С 1924 по 1928 гг. в музей поступили художественные ценности из имений Знаменское (Мартыновых), Петровское (Голицыных), Рождествено (Толстых), Ильинское (С. А. Романова), Глебово (Брусилowych), Никольское (Гагариных), Яропольцы (Чернышевых и Гончаровых) [23] и др. В конце 1920–х гг. ситуация изменилась. Усадебное краеведение больше не приветствовалось властью, и большая часть музеев-усадоб оказалась закрыта. Ново-Иерусалимский музей превратился в одно из тех мест, куда переместили вещи из «неугодных» и упраздненных музеев, в нем оказалось огромное количество художественных и бытовых предметов из дворянских усадеб Подмоскovie. Сформировался «Портретный» зал, в котором экспонировались не только разрозненные портреты, но и фамильные комплексы.

Название музея в документах Главмузея неоднократно менялось. Например, в смете от 15 февраля 1921 г. он именуется как «Музей Древнерусского искусства при Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре». Спустя три года, в 1924 г. – «Государственный Ново-Иерусалимский художественно-исторический и краевой музей», а в 1925 г. – «Государственный художественно-исторический краевой музей в г. Воскресенске». Исчезновение «монастыря» из названия было принципиально для Н. А. Шнеерсона. Свою позицию он описывал следующим образом: «Наш музей, несмотря на то, что он построен в здании одного из крупнейших монастырей, ни в коей мере не считает себя музеем-монастырем, и давно исключил себя из списков этого рода музеев. В нашем названии нет намека на прежний монастырь – сделано это вполне обдуманно, ибо мы считаем себя художественно-историческим краевым музеем в г. Воскресенске, не Новоиерусалимским». Позже музей в разные годы именовался как: «Истринский краеведческий музей», «Государственный опытно-показательный краеведческий музей в г. Истре», «Музей Московской области» и т.д. [24].

Здание Ново-Иерусалимского монастыря, отданное властями под музей, нуждалось в реставрации, а спасённые от уничтожения ценности требовали организации безопасных и подходящих хранилищ. Силами Шнеерсона и сотрудников музея была проведена реставрация монастырского ансамбля. Натан Шнеерсон был одним из первых инициаторов археологических раскопок на территории Воскресенской области, состоял членом редколлегии журнала «Советский музей». Евгения Степановна Радченко – ученый секретарь музея, являлась супругой Н. А. Шнеерсона.

После масштабного разгрома краеведческого движения в 1930–х гг. оно фактически утратило самостоятельность и должно было полностью интегрироваться в государственную систему. В 1930 г. в стране проходила IV Всероссийская краеведческая конференция, на которой Шнеерсоном были представлены новые идеи развития советского краеведения.

В этот период музей вел активную работу, регулярно принимал иностранных туристов и высоких гостей. В 1937 г. музей торжественно посетил маршал М. Н. Тухачевский. Это событие стало роковым в судьбе семьи Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко. После ареста Тухачевского и его последующего расстрела были арестованы Н. А. Шнеерсон и его семнадцатилетний сын. История ареста Шнеерсона завершилась трагически: по официальным данным, он погиб в трудовом исправительном лагере от

обострения сердечной болезни, однако архивная справка свидетельствует о том, что 9 октября 1937 г. в отношении Н. А. Шнеерсона был приведен в исполнение приговор к расстрелу [25, л. 45-46]. Официально причиной ареста было названо «участие в контрреволюционной террористической деятельности меньшевиков». В 1950–е гг. обвинения были сняты, а имя Н. А. Шнеерсона реабилитировано посмертно.

Таким образом, интерес Н. А. Шнеерсона к сохранению культурных ценностей послужил отправной точкой для его масштабной краеведческой работы. Развитие экспозиционной мысли, идеологические веяния времени, а также стихийно сложившееся хранилище усадебных ценностей Подмосковья подталкивали Шнеерсона к переосмыслению некоторых направлений деятельности краеведческого музея. Опыт, который был получен Шнеерсоном в процессе организации и руководства музеем лёг в основу его научных трудов об устройстве нового типа краеведческого музея. Его соратница, Е. С. Радченко [26, 27], работала над созданием сопутствующих методических материалов.

Рассмотреть идеи, предложенные Н. А. Шнеерсоном и Е. С. Радченко, автор предлагает в третьем блоке данного исследования. Для удобства прочтения, в материалах условно выделены тематические разделы, характеризующие определенный аспект, новшество или проблему, затрагиваемые в методических брошюрах.

Итак, на IV Всероссийской краеведческой конференции 1930 г. Шнеерсон выступил с докладом «Задачи краеведческих музеев и их взаимоотношения с краеведческими обществами». Принципы построения нового краеведческого музея, предложенного Шнеерсоном и Радченко, способствовали крутому повороту в музейной системе: никогда до этого сеть краеведческих музеев не имела единой унифицированной формы оформления экспозиции. В качестве принципов предлагались отказ от «случайного» и бессистемного изучения прошлого с помощью разрозненных предметов и переход к новой системе: изучение прошлого по методу диалектического материализма. Музейная экспозиция теперь должна была содержать в себе сочетание природы и общественной жизни. По итогам Первого Всероссийского музейного съезда в 1930 г. было постановлено создать краеведческие музеи в каждом районном центре. Музей «Новый Иерусалим» стал выступать своеобразным «методическим центром» для краеведческих музеев по всей стране, при нем были организованы музейные курсы для рабочих-выдвиженцев.

Размышляя о краеведческих экспозициях, одной из основных проблем Шнеерсон называет т.н. «буржуазность» музея. По его мнению, формирование центров культуры вокруг усадебных музеев, церковных ризниц, и художественных учебных учреждений способствовало созданию определённых типов музеев. Коллекции, хранимые представителями духовенства и дворянства, не были понятны массовому посетителю. А история края, в свою очередь, часто не представляла интереса для создателей «буржуазных» экспозиций. Ремесленные музеи при заводах лишь точно отображали историю производства, в отрыве от исторических, экономических и социальных процессов местности. В результате, посещение музея было бессмысленно без предварительной подготовки, а сосредоточение в хранилищах большого количества материальных ценностей после революции вызывало общественное непонимание и возмущение.

Отличительной чертой нового краеведческого музея должна была быть его демократичность, включенность в жизнь общества и нацеленность на историю конкретного места в тесной взаимосвязи с современностью. Экспозиции должны были максимально полно отражать каждую из сфер жизни человека: демонстрировать результаты археологических раскопок, объясняя, например, когда в определенной местности впервые появились люди, рассказывать об особенностях местного климата и ландшафта, акцентировать внимание на характерной для региона флоре и фауне, культурах, которые можно здесь возделывать. Раздел истории должен был рассказывать, почему то или иное ремесло получило распространение, кто владел этими землями и способствовал развитию заводов и мастерских. Исторический раздел должен был освещать важнейшие политические события, войны, народные восстания и бунты, процессы переселения и торговли, а раздел современной истории был призван наглядно сравнивать экономические и исторические процессы прошлого и влияние революции на жизнь крестьян и рабочих.

Демонстрация результатов человеческого труда во взаимосвязи с особенностями природного ландшафта давали целостную картину происходящего, позволяли лучше запоминать материал и

делать собственные заметки и выводы, несущие пользу личному хозяйству и производству. Таким образом музей становился дружественным для большого количества посетителей, помогая им не только повышать уровень образования и культуры, но и самостоятельно исследовать историю и возвращать бережное отношение к природе и ресурсам своего края. В своих трудах Шнеерсон предупреждает экспозиционера от возможных ошибок: увлечения макетами без выстраивания взаимосвязи между частями экспозиции, использования большого количества иллюстративных материалов мелкого формата и т.д.

Вторым аспектом, на котором акцентировал внимание Шнеерсон, было появление в краеведческих музеях 1930–х гг воспитательной функции. Оно повлекло за собой значительную трансформацию роли музейного работника и усилило его влияние на восприятие экспозиции музея.

Ранее работниками «хранилищ» ценностей зачастую служили бывшие владельцы коллекций, обладающие исчерпывающими знаниями о предметах искусства. Несмотря на это, музей, доступный теперь для широкого посетителя, не мог наладить коммуникацию с ним и вызывать должный интерес из-за разрыва в классовом образовании сотрудника и посетителя. Неумение увлечь и объяснить практическую ценность музейного собрания приводило к конфликтным ситуациям в музее – идеологическим спорам и даже ограблениям и кражам [22]. Музей воспринимался народом как организация чуждая, необоснованно и бессмысленно владеющая большими запасами драгоценностей, которые лучше было бы использовать для блага населения.

Решение, предложенное Радченко и Шнеерсоном в 1930–е гг., помимо создания нового типа экспозиций предполагало большую ответственность музейного научного сотрудника – именно он отвечает за донесение необходимой информации и служит связующим звеном между посетителем и экспозицией. Шнеерсон говорит о необходимости разделения видов деятельности. Глубокие знания необходимо использовать в исследовании музейного предмета, однако в общении с посетителем нужно избегать «оторванности от жизни» и ухода в «абстрактные искусствоведческие описания». Свои знания стоит направлять на создание у посетителя ассоциаций об исторических и культурных процессах, помогая ему выявлять исторические закономерности. Таким образом, научный сотрудник выполняет функцию не носителя «уникальных знаний об искусстве», а проводника в историю жизни местного общества и реализует одновременно образовательную и воспитательную функцию. Деятельность научного работника, согласно методическим рекомендациям Радченко и Шнеерсона, должна вестись в сотрудничестве с другим типом педагога – политпросветработником.

Эта мысль подводит нас к обозначению третьего аспекта, описанного Шнеерсоном – актуализации и идеологизации музейной экспозиции.

1930–е гг. – время масштабного общественного переустройства. Развитие промышленности требовало от населения не только изменения традиционного уклада жизни, но и должного уровня образования и знаний об окружающем мире. Роль политпросветработника в 1930–е гг. XX в. заключалась не только в распространении в обществе новых идеологических принципов, но и в повышении грамотности населения. Политпросветработники закладывали основы воспитания и здоровья детей: необходимость посещения врачей, правильного питания, детского школьного образования. Особое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде. Отрицательные, с точки зрения марксизма-ленинизма, черты религии мешали быстрому развитию общества, снижая общую грамотность. Музейные экспозиции, демонстрирующие предметы культа христианства и его многовековую связь с языческими религиями, обрядность, истоки зарождения религии и её особенности, должны были показывать людям необоснованность страха перед Богом, но в том числе и не отрицать колоссального вклада церкви в развитие изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Экспозиции по истории религии, по мнению Шнеерсона, должны решаться музеями по-разному: созданием «дарвиновских уголков» о зарождении жизни, использованием стендовых материалов об общей природе обрядов и праздников язычества и христианства.

Политпросветработник должен был сотрудничать с краеведческими музеями, используя экспозиции в качестве наглядной иллюстрации к занятиям. Научный сотрудник музея и политпросветработник должны работать над одной проблемой, дополняя рассказы друг друга и преследуя общую цель – создание нового, образованного советского общества. Изучая историю труда и жизни предков, проживавших на данной территории, посетитель не просто узнаёт о сухих фактах, но и «примеряет» их

к своей собственной жизни. Помимо создания экспозиции Н. А. Шнеерсон отмечал пользу и других просветительских возможностей музея для населения: например, животноводческих учебно-показательных питомников. Он предлагал построить при музее «показательный свинарник» для обеспечения участия музея не только в развитии культуры, но и развитии местного сельского хозяйства [28, с. 81-82].

Подводя итоги, хочется отметить, что методические рекомендации Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко по созданию экспозиции краеведческого музея стали основой для формирования экспозиций краеведческих музеев на многие десятилетия вперед. Идея воспринимать природные объекты в культурно-антропологическом контексте и как часть «культурных ландшафтов» находит исторические исследовательские параллели в попытках объединить научные и художественные методы экспонирования на заре их существования. В 1970–1980-е гг. в музееведении происходит новый виток развития экспозиционной мысли, в частности, укрепление идеи о перспективности показа народной культуры в музеях под открытым небом, музеях-заповедниках, «живых музеях».

В настоящее время проблемами культурного ландшафта, объединяющего природу, историю и культуру, занимаются исследователи из различных отраслей науки: культурологии, музееведения, географии и т.д. Понятие «живой музей» в своей диссертации исследует сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева Т. А. Зотова [28].

Таким образом, концепция Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко была тесно взаимосвязана с историческими процессами развития советской экспозиционной мысли и выступила новым направлением для развития краеведческих музеев. Она предполагала отказ краеведческого музея от отдельных, изолированных друг от друга отделов, посвященных природе и истории края. Вместо этого предлагалась передавать в экспозиции связь человека и природы путем использования т.н. «бытовых комплексов». Именно эта идея заложила дальнейшую основу для появления и развития концепции «культурного ландшафта», сочетающего в себе единство истории, природы и культуры.

Появлению и разработке концепции во многом способствовала активная музейная деятельность Н. А. Шнеерсона. Благодаря его умелому руководству Ново-Иерусалимским музеем на территории монастыря были проведены реставрационные работы, а на территории Московской области инициированы археологические раскопки. Предметы старины поступали в музей из окрестных усадеб и музеев «дворянского быта», организованных при имениях в первые годы советской власти [29]. В 1930-е гг. Ново-Иерусалимский музей становится крупнейшим в Подмосковье областным музейным центром.

Предложенная Н. А. Шнеерсоном и Е. С. Радченко концепция краеведческого музея предполагала его доступность для массового посетителя. Краеведческий музей, в понимании Н. А. Шнеерсона, должен был быть демократичным, понятным и соотноситься с ценностями граждан. При создании экспозиции важно было соблюдать принцип системности, охватывая все области и сферы жизни человека. Большое внимание уделялось воспитательной функции музея, изменению роли музейного работника. Не менее важной представлялась Н. А. Шнеерсону проблема политической актуальности и практической полезности экспозиции краеведческого музея: в 1930-е гг. музей помогал местным просветительским учреждениям бороться с архаическими устоями и традициями, играл немалую роль в организации артельного и заводского труда рабочего, наглядно объясняя хозяйственно – экономические процессы. Программа, предложенная Радченко и Шнеерсоном в 1930-е гг. в настоящее время не утратила актуальности и служит концептуальной основой для отдельных краеведческих музеев страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Черкаева, О. Е. Шнеерсон Натан Александрович (1881-1937) // Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник документов и материалов. – Москва : Этерна, 2010. – С. 700-702.

[2] Орлова, А. Мой отец – Шнеерсон: каким он был, что сделал и что мог бы еще... – Текст : электронный // Лехаим : [сайт]. – URL: <https://lechaim.ru/events/moj-otets-shneerson> (дата обращения: 01.02.2026).

- [3] *Степанов, И. И., Зажеко, А. А.* Опыт сохранения монастырской самобытности в обителях Подмоскovie в условиях музейной политики советской власти (1917-1930 гг.) // *Общество: философия, история, культура.* – 2022. – № 5(97). – С. 155-166.
- [4] *Шахнович, М. М.* Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «великого перелома» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* – 2021. – Т. 37. – Вып.4. – С. 706-717.
- [5] *Дмитриенко, Н. М., Лозовая, Л. А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // *Вестник Томского государственного университета. История.* – 2013. – № 6 (26). – С. 193-198.
- [6] *Радченко, Е. С.* Истринский краеведческий музей (1920-1936) // *Очерки истории музейного дела в СССР.* – Москва : Сов. Россия, 1968. – Вып. 6. – С. 244-311.
- [7] *Радченко, Е. С.* Истринский краеведческий музей // *Очерки истории музейного дела в СССР.* – Москва : Сов. Россия, 1971. – Вып. 7. – С. 177-244.
- [8] *Шнеерсон, Н. А.* Принципы построения краеведческого музея // *Сектор науки Наркомпроса РСФСР.* – Москва : тип. Гос. центр. музея народоведения, 1930. – 40 с.
- [9] *Шнеерсон, Н. А.* Зачем нужны краеведческие музеи РСФСР? // *Сектор науки Наркомпроса РСФСР.* – Москва: тип. Гос. центр. музея народоведения, 1930. – 28 с.
- [10] *Шнеерсон, Н. А.* Антирелигиозная пропаганда в краеведческих музеях: Опыт Истринск. (Воскресенск.) музея. – Истра : Музей, 1930. – 28 с.
- [11] *Романов, Н. И.* Местные музеи и как их устраивать / *Сов. Всерос. кооп. съездов.* – Москва : Ком. по охране худож. сокровищ, 1919. – 110 с.
- [12] *Поляков, Т. П.* Революция в музее, или особенности экспозиционно-выставочной деятельности музеев в первые годы Советской власти. – Текст : электронный // *Журнал Института Наследия.* – 2017. – № 4(11). – С. 1-11. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/165.html> (дата обращения: 10.03.2026).
- [13] *Мазный, Н. В.* Музейная выставка: история, проблемы, перспективы / *Н. В. Мазный, Т. П. Поляков, Э. А. Шулепова.* – Москва : Б. и., 1997. – С. 45.
- [14] *Ашукин, Н.* Музей и школа // *Народное просвещение.* – 1918. – №2 3-25. – С. 11.
- [15] *Приселков, М. Д.* Историко-бытовые музеи. Задачи, построение, экспозиция. – Ленинград : Изд-во Гос. Рус. музея, 1926. – 17 с.
- [16] *Шмит, Ф. И.* Музейное дело: вопросы экспозиции. – Ленинград : Ленингр. правда, 1929. – С. 44-45.
- [17] *Поляков, Т. П.* Природное наследие в культурном контексте: предметы из естественно-научных коллекций в экспозициях исторических и литературных музеев // *Культурологический журнал.* – 2025. – № 3(61). – С. 106-116. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/717.html&j_id=65 (дата обращения: 10.03.2026).
- [18] *Дружинин, Н. М.* Методы историко-революционных экспозиций // *Музей революции Союза ССР.* – Москва, 1927. – С. 23-33.
- [19] *Труды I Всероссийского музейного съезда : В 2 т. Т.1.* – Москва : Сектор науки НКП РСФСР, 1931. – С. 24, 780–781.
- [20] *Завадовский, Б. М.* Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея // *Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова.* – Москва : Этерна, 2010. – С. 674–699.
- [21] *Музей истории религии и атеизма (Ленинград). История православия и русского атеизма : Краткий справочник-путеводитель [по Музею истории религии и атеизма АН СССР].* – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 162 с.
- [22] Государственный архив Российской Федерации. Личное дело. Шнеерсон Натан Александрович. Ф. А2307, Оп. 22, Д. 1402. Л. 6-8.
- [23] Возвращение в усадьбу: неутраченные коллекции усадеб Подмоскovie из собрания музея «Новый Иерусалим» // *Музей Новый Иерусалим / Мин-во культуры Моск. обл.; ред.: О. Мещерякова, Е. Чурапина.* – Москва : СИТИПРИНТ, 2020. – С. 161-162.
- [24] Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 54. Д. 834. Л. 27.
- [25] Государственный архив Российской Федерации. Следственное дело. Шнеерсон Натан Александрович, 1881 г. р. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 24341. П-25561. Л. 1-56.
- [26] *Радченко, Е. С.* Кустарный промысел и ремесло в Воскресенском уезде Московской губернии. – Воскресенск : Гос. худож.-историч. краев. музей, 1926. – 10 л.

[27] Радченко, Е. С. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла : Ткачество. Рыболовство. – Воскресенск : Наука и просвещение, 1928. – 52 с.

[28] Зотова, Т. А. Концепция «живого музея» в российском музееведении: опыт культурологического анализа: дис. ... канд. культурологии. – Москва, 2024. – 257 с.

[29] Государственный художественно-исторический краевой музей в г. Воскресенске, Москов. губ. : Путеводитель по музею. – Воскресенск : Гос. худ.-истор. краев. музей, 1925. – 64 с.

CONCEPT OF SOVIET MUSEUMS OF LOCAL LORE IN THE WORKS OF N.A.SCHNEERSON AND E.S.RADCHENKO

Chuvilkina Yulia Viktorovna,

PhD in Cultural Research,

Senior researcher, Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the concept of the Soviet Museum of local Lore, proposed by the staff of the New Jerusalem Museum N. A. Schneerson and E. S. Radchenko at the First All-Russian Museum Congress in 1930. Their ideas are considered in interrelation and in the context of the history of the formation of modern methods of exposition display. Such an angle has so far remained out of the field of view of museum researchers, despite the extensive number of published materials on the expositions of local history museums.*

Keywords: *Schneerson, Radchenko, local history, museum business, exposition, museum congress, New Jerusalem Museum, Istra, Voskresensk.*

© Чувилькина Ю.В., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 17.03.2026.

Ссылка для цитирования:

Чувилькина, Ю. В. Концепция советского краеведческого музея в трудах Н.А. Шнеерсона и Е.С. Радченко. – DOI 10.34685/NI.2026.22.58.003. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2026. – № 2(64). – С. 109-117. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/760.html&j_id=68.